

Гуманитарное право как пример слабости и силы современного международного публичного права

Право гуманитарное jako przykład słabości i siły współczesnego prawa międzynarodowego publicznego

Celem niniejszego opracowania jest naszkicowanie cech międzynarodowego prawa humanitarnego jako tej gałęzi prawa narodów, która dobrze ilustruje zarówno siłę, jak i słabość współczesnego prawa międzynarodowego publicznego.

Niniejszy tekst składa się z trzech części. Pierwsza część ma charakter niezbędnego wprowadzenia w omawianą problematykę, przy czym poświęcona jest w szczególności skrótowemu zaprezentowaniu gałęzi współczesnego prawa międzynarodowego publicznego. Część druga zawiera prezentację (w tym historyczną) prawa humanitarnego oraz zarys jego analizy na tle prawa międzynarodowego publicznego. Część trzecia obejmuje konkluzje.

Гуманитарное право как пример слабости и силы современного международного публичного права

Целью данной работы является представление международного гуманитарного права и его характеристик в качестве той отрасли права народов, которая хорошо иллюстрирует как сильные, так и слабые стороны современного международного публичного права.

Данный текст состоит из трех частей. Первая часть является необходимым введением в обсуждаемую проблематику и содержит, в частности, короткую презентацию отраслей современного международного публичного права. Во второй части представлен обзор (в том числе исторический) гуманитарного права и его краткий анализ на фоне международного права. Третья часть включает в себя выводы.

Das humanitäre Völkerrecht als Beispiel der Schwäche und der Stärke des heutigen Völkerrechts

Das Ziel der vorliegenden Abhandlung ist es, die Eigenschaften des humanitären Völkerrechts als jenen Zweig der internationalen Rechtsordnung darzustellen, der sowohl die Stärke als auch die Schwäche des heutigen Völkerrechts wiedergibt.

Der vorliegende Beitrag besteht aus drei Teilen. Der erste Teil hat den Charakter einer notwendigen Einleitung in die besprochene Problematik. Insbesondere werden hier die Zweige des heutigen Völkerrechts kurz besprochen. Der zweite Teil enthält eine Darstellung (darunter auch aus historischer Sicht) des humanitären Völkerrechts sowie dessen allgemeine Analyse im Lichte des Völkerrechts. Der dritte Teil beinhaltet die Schlussfolgerungen.

I.

Современное международное публичное право можно разделить на ряд выделенных тематически сфер. Если будем рассматривать международное публичное право как систему, подобную внутренней правовой системе типичного государства, тогда их следует называть отраслями¹. Если мы не решимся на такой подход, то эти сферы будут представлять собой «главы» или «части» международного права, выделенные по меньшей мере для дидактических целей. Одной из них является гуманитарное право, которое можно выделить среди других частей, в том числе таких как: право договоров; дипломатическое и консульское право; право международных организаций; право прав человека; воздушное право; космическое право; морское право и многие другие. Некоторые из данных частей международного публичного права имеют свое особое значение, специфику и выделяются на фоне всего современного права народов.

Дипломатическому и консульскому праву можно, например, приписывать то, что оно является относительно старым, так как прототипы некоторых его институтов сформировались еще в древности (напр. *proksen* это современный почетный консул).

---

¹ На тему так называемой фрагментации международного права см. главу I. Hnasevych.

Право международных договоров, в свою очередь, в перспективе современного *ius gentium* рассматривается как фундаментальное с точки зрения его источников. Именно договор был, есть и вероятно будет важнейшим источником международного публичного права. Основным правовым актом в области права договоров является Венская конвенция о праве международных договоров с 1969 г., которую называют даже «кодексом» права международных договоров. Здесь, между прочим стоит отметить, что Комиссия международного права ООН в ходе приготовления этого правового акта посчитала, что неуместным будет, если он примет форму договора, исходя из того, что его значение является основополагающим, а в то же время он сам касается договоров. Комиссия искала для данного «кодекса» международных договоров «независимую базу». Идея эта была однако довольно туманной и в конечном итоге от нее отказались, поскольку трудно было себе представить, на какой основе, другой чем договор, такой международный «кодекс» был бы действителен².

Право международных организаций, в свою очередь, можно рассматривать как своего рода «лабораторию» современного международного права, поскольку право организаций, являясь узкой областью исследований, тем не менее отражает и конденсирует, фундаментальные проблемы современного права народов. К ним относятся, в частности: все еще формирующийся и неопределенный каталог источников международного публичного права, как и каталог субъектов, а также его т.н. сфера действия³, которую следует понимать как сферу воздействия этого права. Не вызывает сомнений, что источником международного права является договор и обычай, более того в доктрине и практике довольно широко признается, что к ним принадлежат также нормативные, имеющие обязательную юридическую силу акты международных межправительственных организаций (*Governmental Organizations*), как и т.н. общие принципы права, упомянутые в ст. 38 Статута Международного суда ООН. Другие возможные источники международного права по-прежнему являются предметом диспута. Аналогично обстоит дело также с каталогом субъектов международного публичного права. Важнейшими субъектами с долгой исторической традицией являются государства, а в настоящее время признается, что еще и государства *in statu nascendi* (нации борющиеся за

² S.E. Nahlik, *Wstęp do nauki prawa międzynarodowego*, Варшава: PWN, 1967, с. 172. См. также: „Yearbook of the International Law Commission” 1956, т. II, с. 106–107 – http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1956_v2.pdf&lang=EFS [доступ 13.03.2016].

³ См. подробнее: В. Kuźniak, *Przestrzeń operacyjna prawa międzynarodowego publicznego. Perspektywa polska*, Варшава: С.Н. Beck, 2012.

независимость, воюющая сторона, повстанцы), а также организации GO и Святой Престол (Государство-город Ватикан). Относительно же других актеров – участников международных отношений, таких как, например, транснациональные торговые и промышленные корпорации или физические лица, все еще не достигнуто общего согласия. В свою очередь, с исторической точки зрения, сферой действия международного публичного права являлись внешние отношения государств, т.е. отношения возникающие в международном сообществе. В настоящее же время признается, что международное публичное право действует, в некоторой степени, и во внутренних общественностях отдельных стран. То, что некогда было исключительно внутренней сферой государства, сегодня может быть объектом международно-правового воздействия, поскольку в настоящее время иначе понимается государственный суверенитет⁴ (напр. государства не могут уже больше прикрываться запретом вмешательства в их внутренние дела касательно их отношения к своим гражданам или в вопросах соблюдения ними прав человека).

Все вышеуказанные проблемы прекрасно видны в праве международных организаций, в особенности те касающиеся источников, в том числе и резолюций GO, а также те относящиеся к субъектам, включая организации состоящие из стран (GO). Вопрос сферы действия международного права тоже хорошо отображается в праве международных организаций, поскольку в эпоху существования организаций, которые не только ведут типичное сотрудничество, но и интегрируют (наднациональные организации), как напр. Европейский Союз, праву создаваемому этими организациями можно присвоить особенность прямого действия во внутригосударственной сфере. Стоит также добавить, что международные организации в настоящее время являются более многочисленными чем страны субъектами международного права. Если последних существует около 200, то первых – и это исключительно типа GO – насчитывается около 350. Резюмируя, право международных организаций, как уже упоминалось, можно рассматривать как «лабораторию» международного права, в которой исследуется большинство наиболее важных проблем⁵.

Гуманитарное право, на фоне других выделенных частей современного международного права, можно представить как ту область, которая

---

⁴ См. подробнее в: J. Kranz (ред.), *Suwerenność i ponadnarodowość a integracja europejska*, Варшава: Издательство „Prawo i Praktyka Gospodarcza”, 2006; J. Kranz, *Pojęcie suwerenności we współczesnym prawie międzynarodowym*, Варшава: Elipsa, 2015.

⁵ B. Kuźniak, P. Turek, *Le droit des organisations internationales: modèle et moteur du droit international*, „Archiv des Völkerrechts” 2015, Band 53, № 5, с. 390–399.

прекрасно отражает, с одной стороны, минусы и недостатки современного права народов, с другой же, показывает его ценность и силу влияния.

II.

В этом месте ставится тезис о том, что формирование, существование, развитие и природа международного гуманитарного права являются необыкновенно адекватным примером как силы, так и слабости современного международного публичного права.

Международное гуманитарное право иногда называют правом вооруженных конфликтов или просто правом войны (*ius in bello*). Как правило, эти понятия являются эквивалентными терминами. Согласно определению, сформулированному Международным комитетом Красного Креста, международным гуманитарным правом в период вооруженных конфликтов являются международные нормы содержащиеся в договорах или имеющие характер обычных норм, особой задачей которых является решение гуманитарных проблем, непосредственно вытекающих из международных или немеждународных вооруженных конфликтов. Эти стандарты, по гуманитарным соображениям, ограничивают право сторон вооруженного конфликта свободно выбирать методы и средства ведения военных действий, равно как и защищают людей и материальные блага, которые были затронуты или могут быть затронуты последствиями вооруженного конфликта⁶.

Что же касается фактов, которые определяют ценность международного права, а которых доказательством и результатом является гуманитарное право – представленное выше – стоит указать на появляющиеся на протяжении веков регулирования ограничивающие ужасы войны. Известны примеры средневекового запрета (введенного латеранскими соборами XII века) использования арбалетов в борьбе против христиан, или же исключение военных действий в период с вечера среды до утра понедельника, а также во время особо торжественных религиозных праздников (*Treuga Dei*), либо введение обязательства по защите женщин и детей, а по меньшей мере вдов и сирот. Такого рода ограничения были введены по гуманитарным соображениям, в интересах обеих противоборствующих

---

⁶ M. Marcinko, *Główne założenia międzynarodowego prawa humanitarnego konfliktów zbrojnych*, [в:] *Międzynarodowe prawo humanitarne konfliktów zbrojnych*, red. Z. Falkowski, M. Marcinko, Варшава: Издательство „Wojskowe Centrum Edukacji Obywatelskiej” 2014, с. 23–25. См. также: *Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977*, Женева: ICRC, с. XXVII.

сторон, а также в целях предотвращения злоупотреблений в случае изменения баланса сил. Первые попытки кодифицирования права войны, тем не менее, датируются лишь 1856 годом и были произведены в результате Крымской войны (Парижская декларация 1856 г. о морской войне). Существенное значение имели также действия предпринятые Генри Дюнантом (*H. Dunant*) и основанного им Международного комитета Красного Креста (1863 г.), которые привели к принятию Женевской конвенции 1864 г. о защите больных, раненых и медицинского персонала⁷.

Право войны в основном было урегулировано на трех международных конференциях: Брюссельской, состоявшейся в 1874 г. и двух Гаагских конференциях, проходивших в 1899 г. и 1907 г. Следующим важным шагом в сторону кодификации были Женевские конвенции гуманитарного права 1949 г. о защите жертв войны⁸ и их новелла в виде Дополнительных протоколов 1977 г.⁹, которые модернизировали защиту жертв войны, распространяя ее также на жертвы внутригосударственных конфликтов. Более поздние правовые акты ввели запреты на использование некоторых видов оружия – это в частности: Конвенция 1972 г. о биологическом оружии, запретившая разработку, производство и накопление запасов бактериологического оружия¹⁰; Конвенция 1980 г. о некоторых видах обычных вооружений (и ее дополнительные протоколы), которая запретила оружие, порождающее в человеческом теле повреждения осколками невидимыми в рентгеновских лучах, а также применение мин и зажигательного оружия против гражданского населения и использование лазерного оружия¹¹; Конвенция 1997 г. о запрете противопехотных мин (Оттавская конвенция), запретившая производство, хранение и использование противопехотных мин¹². Вопрос о законности применения ядерного оружия однако не был урегулирован на основе договора, а консультативное заключение Международного Суда от 8 июля 1996 г.¹³ тоже не

⁷ Текст на польском языке напр. на сайте Красного Креста – http://www.pck.org.pl/pliki/mph/1929_27_VII_Konwencja_Genewska_o_polepszeniu_losu_chorych_i_rannych_w_armjach_czynnych,%20Genewa.pdf [доступ 14.03.2016].

⁸ Текст на польском языке: Dz.U. 1956 г. Nr 38, poz. 171 i 174.

⁹ Текст на польском языке: Dz.U. 1992 г. Nr 41, poz. 175 i 176.

¹⁰ 1015 UNTS 163 / [1977] ATS 23 / 11 ILM 309 (1972).

¹¹ Текст на польском языке напр. на сайте Красного Креста – http://www.pck.org.pl/pliki/mph/1980_Genewa_-_CCW.pdf [доступ 14.03.2016].

¹² Текст на польском языке напр. на сайте польского Министерства внутренних дел и администрации. – https://mswia.gov.pl/ftp/OSK/dokumenty_Prawo_MPH/1997_4_XII_konwencja_o_zakazie_uzycia_min.pdf [доступ 14.03.2016].

¹³ ICJ Reports, 1996.

решило однозначно данной проблемы. Гаагские судьи вынесли решение, что применение ядерного оружия с целью агрессии – первого удара – является незаконным, тем не менее не исключили такой возможности в целях самообороны, в рамках так называемой военной необходимости, или же в ответ на ядерное нападение противника¹⁴. В любом случае, можно утверждать, что приведенные выше примеры хорошо иллюстрируют силу и значение права народов для прогресса, во имя гуманитаризации отношений, в частности международных.

Стоит отметить, что параллельно с правовым регулированием, направленным на облегчение человеческих страданий, постепенно были сконструированы нормы вводящие запрет на применение силы и угрозы силой в международных отношениях, а также нормы исключающие войну, что еще более важно. Здесь стоит упомянуть следующие правовые акты: 1) 2-ая Гаагская конвенция 1907 г.¹⁵, которая ввела ограничение применения силы с целью взыскания долгов основанных на договоре; 2) Устав Лиги Наций¹⁶ (ст. 12-15 ограничивали право начать войну путем введения требования предварительного исчерпания процедуры решения споров); 3) Пакт Бриана – Келлога 1928 г.¹⁷, который установил отказ от обращения к войне в межгосударственных отношениях в качестве орудия национальной политики и обязал разрешать споры мирными методами; 4) Устав Организации Объединенных Наций 1945 г.¹⁸, который в ст. 2 п. 4 содержит запрет угрозы силой или ее применения каким-либо образом несовместимым с целями Объединенных Наций, а в ст. 2 п. 3 устанавливает обязательство мирного разрешения международных споров.

Подводя итог, можно сказать, что о силе и значении международного права свидетельствует то, что с его перспективы замечены были человеческие страдания и с помощью его инструментов были предприняты усилия по облегчению этих страданий, равно как и то, что с помощью международного права было решено запретить применение угроз силой и силы в международных отношениях.

Слабостью международного права является, тем не менее, очевидный *prima facie* парадокс состоящий в том, что право это в своей современной форме, с одной стороны, создает очень категорический запрет угрозы

---

¹⁴ См. в частности: W. Czapliński, A. Wyrozumska, *Prawo międzynarodowe publiczne. Zagadnienia systemowe*, Варшава: С.Н. Beck, 2014, с. 930–937.

¹⁵ Текст Конвенции на польском языке доступен напр. в: L. Gelberg, *Prawo międzynarodowe i historia dyplomatyczna. Wybór dokumentów*, Варшава: PWN, 1954.

¹⁶ Текст на польском языке: Dz.U. z 1920 г. Nr 35, poz. 200.

¹⁷ Текст на польском языке: Dz.U. z 1929 г. Nr 11, poz. 88.

¹⁸ Текст на польском языке: Dz.U. z 1947 г. Nr 23, poz. 90.

силой и применение силы, в том числе квалифицирует войну как незаконное действие, а с другой стороны, все еще содержит, и даже до сих пор создает нормы гуманитарного права, рассчитанные исключительно на облегчение страданий – последствий вооруженного конфликта. Данный недостаток международного права отчетливо указывает на его определенную несогласованность, и следовательно слабость, и это в вопросах фундаментальных, какими являются война и мир. В польской литературе Е. Пенькос (*J. Pieńkos*), обсуждая тему вооруженных конфликтов, т.е. гуманитарного права, представляет верные соображения правно-философского характера: «Рассуждения о »праве вооруженных конфликтов« относительно ситуации, которая *a priori* казалось бы уклоняется от регулирования правом, может быть странным, если не парадоксальным. Нет ли противоречия в самом определении »право вооруженных конфликтов«. Мыслимо ли, ассоциировать с правом поведение, которое, казалось бы, является его отрицанием? [...] Речь о праве вооруженных конфликтов является начинанием, которое профану представляется столь же ненормальным, как и соединение воды с огнем. [...] Хотя современное международное право категорически запрещает начинать войны между государствами [...], внутренняя структура многих могущественных держав, способствует удерживанию опасности возникновения войны, особенно до тех пор, пока не будет реализовано всеобщее и полное разоружение. [...] В связи с этим, существует объективная необходимость дальнейшего действия т.н. права войны (*ius in bello*), [...] с целью гуманитаризации средств ведения войны и смягчения их последствий»¹⁹.

Вышеизложенный парадокс сам по себе свидетельствует о слабости современного международного публичного права. Следует однако добавить, что данный дефект был представлен здесь исключительно в общих

---

¹⁹ J. Pieńkos, *Prawo międzynarodowe publiczne*, Краков: Zakamycze, 2004, с. 715–716 – «Mówienie o »prawie konfliktów zbrojnych« w odniesieniu do sytuacji, która *a priori* wydaje się wymykać spod prawa, może być dziwne, jeżeli nie paradoksalne. Czyż nie ma sprzeczności w samym terminie »prawo konfliktów zbrojnych«. Czyż jest do pomyślenia kojarzyć prawo z zachowaniem, które wydaje się być jego zaprzeczeniem? [...] Mówienie o prawie konfliktów zbrojnych jest przedsięwzięciem, które dla laika wydaje się równie nienormalne, co łączenie wody z ogniem. [...] Choć współczesne prawo międzynarodowe w sposób kategoryczny zabrania wszczynania wojen między państwami [...], struktura wewnętrzna wielu potężnych mocarstw sprzyja utrzymywaniu się niebezpieczeństwa wybuchu wojny, zwłaszcza tak długo, jak długo nie zostanie zrealizowane powszechne i całkowite rozbrojenie. [...] W związku z tym istnieje obiektywna konieczność dalszego obowiązywania tzw. prawa wojennego (*ius in bello*), [...] w celu humanitaryzacji środków prowadzenia wojny i łagodzenia ich skutków» – перевод автора.

чертах. Ради полноты картины, следует отметить, что он усиливается в ряде определенных правовых явлений.

И так, в первую очередь стоит подчеркнуть, что гуманитарное право, рассчитанное на смягчение последствий применения силы, найдет свое применение не только в этих исключительных, но предусмотренных международным публичным правом ситуациях, когда применение силы является законным, но и в тех сомнительных или бесспорно незаконных.

Во-вторых, круг исключений из запрета установленного в ст. 2 п. 4 Устава Организации Объединенных Наций не воспринимается однозначно ни в свете доктрины, ни практики. В польской литературе можно найти, например, мнение, согласно которому, Устав Организации Объединенных Наций ясно формулирует только два исключения из запрета применения силы и угрозы силой, а именно: право на самооборону (ст. 51), а также принудительные меры Совета Безопасности (ст. 39 и сл.)²⁰. Более того, можно прочесть, что Устав Организации Объединенных Наций разрешает прибегать к вооруженной силе в трех широко известных случаях, а именно: индивидуальной самообороны, коллективной самообороны и военных действий с разрешения Совета Безопасности на основании главы VII Устава²¹. Представленная здесь разница имеет однако исключительно семантическое значение, поскольку некоторые представители доктрины воспринимают самооборону как один случай, а некоторые представители – как два, разделяя ее на индивидуальную и коллективную. Суть проблемы сводится однако к вопросу, можно ли из толкования Устава Организации Объединенных Наций, подтвержденного последующей практикой государств, вывести и другие исключения из запрета сформулированного в ст. 2 п. 4 Устава. Практика все чаще указывает на необходимость расширения исходного каталога вышеупомянутых исключений и ввести случаи: самозащиты граждан; гуманитарного вмешательства; обороны процессов демократизации; борьбы с терроризмом и противодействия распространению оружия массового уничтожения. Более того, утверждается, что широкий каталог исключений должен привести к выводу, что, по сути, запрет применения силы в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций не является императивом²².

²⁰ W. Czaplinski, A. Wyrozumska, *op. cit.*, с. 865–866.

²¹ R. Kwiecień, *Teoria i filozofia prawa międzynarodowego. Wybrane problemy*, Варшава: Difin, 2011, с. 201.

²² W. Czaplinski, A. Wyrozumska, *op. cit.*, с. 864. См. также анализ, упомянутый во 2-ом примечании данного исследования: J. Green, *Questioning the Peremptory Status of the Prohibition of the Use of Force*, „Michigan Journal of International Law” 2011, т. 32, с. 215.

В-третьих, нормы гуманитарного права являются относительно старыми (напр. по сей день используются Гаагские положения, прилагаемые к IV Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г.) и не поспевают за изменяющейся реальностью, в том числе техническим прогрессом²³ и, таким образом, казалось бы, не являются достаточно эффективными.

Здесь следует указать также и другие слабые стороны международного публичного права, а особенно факт, что предусмотрены им меры по регулированию международных споров являются относительно слабыми, так как их применение основано прежде всего на доброй воле стран, участвующих в споре. Стоит также отметить то, что позиция международных судов не очень сильна. Некоторые из них не были оснащены атрибутом постоянства, и в основном всем им не хватает обязательного характера. И так, например, т.н. Постоянный арбитражный суд в Гааге, по сути, не является постоянным судом, поскольку его стабильными элементами являются только: офис, доступные правила и процедуры, а также список арбитров²⁴. Подобная ситуация характерна также т.н. обязательной юрисдикции Международного Суда в Гааге, которая является обязательной только в самом названии, и то в определенных случаях, а именно, когда на основании факультативного положения в ст. 36 п. 2 Устава Организации Объединенных Наций, государства-члены выразили свое согласие на компетенцию суда для решения будущих возможных споров²⁵. Тем самым, согласие должно быть выражено, с той лишь разницей, что не в уже существующем споре, но *a priori*.

III.

В заключении утверждается, что современное международное публичное право является правом мира, а это в свете его исторического развития можно рассматривать как важную характеристику. В основном, до Гроция – который в 1625 г. опубликовал работу „О праве войны и мира”, выражая таким образом мнение, что право народов включает в себя не только нормы действующие во время войны и нормы на случай войны,

²³ См. на эту тему главу, которой автором является К. Kowalczevska.

²⁴ См. подробнее: М. Makiela, *Stały Trybunał Arbitrażowy w Hadze*, [в:] *Sądy i trybunały oraz pozasądowe sposoby załatwiania sporów międzynarodowych. Perspektywa polska*, ред. В. Kuźniak, Варшава: С.Н. Beck, 2015, с. 29 и д.

²⁵ См. подробнее: В. Kuźniak, *Trybunały haskie*, [в:] *Sądy i trybunały oraz pozasądowe sposoby załatwiania sporów międzynarodowych*, с. 11 и д.

но и нормы действующие во время мира – международное право было правом войны, состоящим из двух компонентов: *ius ad bellum* (право на войну, право начать войну) и *ius in bello* (право во время войны).

В добавление к вышеизложенному утверждению, что международное право является правом мира, а в настоящее время действует запрет использования силы и угрозы силой в международных отношениях, мы можем сказать, что так обозначенная совокупность определяет важность и силу международного публичного права *in genere*.

Слабостью этого права является, однако, определенная уступка реальности, в форме действия норм, установленных на время войны и других вооруженных конфликтов. Это последнее можно также считать за своеобразную, но тем не менее, ценность и своего рода «мудрость» международного публичного права, которое избегает наивного идеализма, основанного только на букве закона и не имеющего подтверждения в реальности.